

В развитии воинской темы своей „Истории“ автор обнаружил основательное знакомство и с русскими воинскими повестями, отдав из них предпочтение двум образцам — Казанскому Летописцу и циклу Азовских повестей. Однако если в старой воинской повести определенные поэтические формулы служили средством изображения действительных исторических событий, хотя бы и в идеализированном виде, то в „Истории о Ярополе“ они помогают лишь выделить вымышленные идеальные качества героя-полководца.

Поэтому, в отличие от древне-русской воинской повести, которая в каждый период своего развития изображала боевые эпизоды определенной системой художественных приемов, — „История о Ярополе“ объединяет разновременные элементы этих систем, свободно чередуя их с воинской фразеологией своего времени. Но зато автор выбирает из богатого запаса приемов воинского стиля прошлого как раз то, что требуется его главной задачей — выделить своего героя, превознести его. Если в представлении старого автора за деталями воинских картин скрывались реальные моменты действительных битв, то у автора „Истории о Ярополе“ этого не было: в его время сражались иначе, он пользуется готовым литературным приемом, вне зависимости от собственных представлений о сражении.

Традиция „воинского“ стиля древне-русской исторической повести органически подвела автора „Истории о Ярополе“ к углублению „фольклорности“ в изображении его героев-завоевателей. Как известно, воинский стиль древней Руси никогда не порывал своей связи с образностью живого языка и поэтикой соответствующих картин устного героического эпоса. В числе особо отразившихся в повести о Ярополе образцов этого стиля выделяются Казанский летописец и Азовские повести, т. е. как раз те памятники поздней исторической повести, в которых эта связь с фольклором проявляется особенно заметно. „История о Ярополе“ еще ближе, чем ее литературные образцы, подходит в отдельных случаях, именно в своей воинской части, к фольклору.

Специфически фольклорная трактовка тем и образов героев повести особенно ярко выразилась в описании поединка двух воинов, сделанном по образцу былинных и сказочных поединков богатырей.

Яропол Моафович соглашается не воевать с турецким салтаном, а покончить дело поединком. С обеих сторон избираются поединщики. В войске Яропола оказалось много „рыцарей храбрых“, готовых по первому зову своего полководца выступить в бой в качестве поединщиков против турецкого „исполина“. Яропол избирает для поединка воина Абалексима.¹ Раз в поединок вступает рыцарь, то естественно ожидать, что бой будет описан в манере рыцарских романов. Однако автору чужда эта манера, и он описывает поединок, как бой двух богатырей былин,

¹ Поединщик с турецкой стороны фигурирует в повести под тем же именем.